

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, СОВЕТСКИЕ ТЕМПЫ И БУРЖУАЗНЫЕ КРИТИКИ

АКОП АКОПЯН

Определенное отношение к политике КПСС вообще и в частности к ее экономической политике стало вырабатываться в политических и государственных кругах, в научной и пропагандистской литературе буржуазного Запада со времени возникновения первого в истории социалистического государства. Поэтому т. и. «советология» явление не новое, хотя она стала пользоваться этой вывеской в послевоенное время, когда обрела особый размах.

Деятельность КПСС после взятия власти была направлена, главным образом, на практическое созидание совершенно нового, основанного на общественной собственности, регулируемого единым планом, свободно от эксплуатации, кризисов и безработицы народного хозяйства. Результаты этой грандиозной по масштабам и всемирно-историческому значению задачи развеяли миф о вечности, совершенстве и незыблемости буржуазной частной собственности и основанного на ней «свободного предпринимательства». Поэтому экономическая политика КПСС с самого же начала привлекла пристальное внимание как друзей, так и врагов социализма во всем мире.

Борьба на хозяйственном фронте с самого же начала носила характер экономического соревнования с капитализмом.

Однако исходные позиции СССР в этом соревновании были крайне слабыми, а условия весьма неблагоприятными. Разрушенная за годы империалистической и гражданской войн и без того сравнительно отсталая экономика России была отброшена далеко назад — до уровня второй половины XIX в. В 1920 г. объем промышленной продукции России не превышал 1% объема промышленной продукции США¹.

Несмотря на восстановление хозяйства, СССР во второй половине 20-х гг. продолжал сильно отставать от промышленно развитых капиталистических стран. В 1924—1925 гг., как и в 1913 г., доля средств производства составляла одну треть (34%) валовой продукции его промышленности², а накануне первой пятилетки Советский Союз в технико-экономическом отношении отставал от развитых капиталистических стран на 50—100 лет.

Но В. И. Ленин победу социализма над капитализмом в мирном экономическом соревновании считал вполне реальной задачей. «Я уверен,—

¹ В. Перло, Экономическое соревнование СССР и США, М., 1960, стр. 14.

² «Национализация промышленности в СССР» (сборник документов и материалов), М., 1954, стр. 67.

говорил он 6 декабря 1920 г. на собрании актива Московской организации РКП(б), — что Советская власть догонит и обгонит капиталистов, и что выигрыш окажется у нас не только чисто экономический... мы получим науку, выучку»³. И он считал, что этот выигрыш в решающей мере зависит от темпов экономического развития, в частности, индустриального роста страны.

Еще до победы Октябрьской революции, в сентябре 1917 г. в знаменитой статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» В. И. Ленин писал, что только высокие темпы развития позволят России выбраться из тисков хозяйственной разрухи и в сжатые сроки преодолеть свою вековую отсталость: «Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей»⁴. К вопросу о темпах экономического развития В. И. Ленин неоднократно возвращался и после взятия власти, считая обеспечение более высоких чем при капитализме темпов роста производительных сил важнейшей задачей экономической политики Коммунистической партии.

Неуклонно выполняя заветы В. И. Ленина, КПСС сделала обеспечение высоких и устойчивых темпов роста промышленности и прежде всего производства средств производства генеральной линией своей экономической политики, основанной на научном познании и использовании объективных закономерностей развития социалистической экономики, что позволило в кратчайшие исторические сроки осуществить индустриализацию огромной страны, преобразовать сельское хозяйство на социалистических началах и превратить СССР во вторую по экономической силе державу мира.

После Октябрьской революции за рубежом отношение к Советской стране, в частности, к ее хозяйственным успехам и экономической политике КПСС стало водоразделом между силами реакции и прогресса, своего рода камнем преткновения, выявляющим характер взаимоотношений, цели, направление деятельности различных социальных и политических группировок, классов и партий. Нередко в отношении к политике КПСС отражались их точки зрения на коренные проблемы экономического и политического развития своих стран. Империалистическая буржуазия главной мишенью для нападков избрала экономическую политику КПСС. Даже умеренные буржуазные мыслители ставили под сомнение способность пролетариата осуществить «более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капиталистическим»⁵. И мало кто рассуждал так, как американский экономист Хеллер, который считал, что Октябрьская революция «войдет в историю, как самый глубокий и далеко идущий социальный переворот со времени падения Римской империи»⁶.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 77.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 198.

⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 13.

⁶ A. A. Heller, *The Industrial Revival in Soviet Russia*, New York, 1922, p. 224.

В 20-х и 30-х гг. в среде западных буржуазных идеологов, за редкими исключениями, преобладала линия отрицания реальности советских темпов индустриального развития. Видный французский специалист по экономической географии, профессор Лильского и Сорбонского университетов Пьер Жорж в 1947 г. об этом писал: «Скептицизм был модой в отношении к новому режиму и его практическим достижениям»⁷.

Другой исследователь — английский экономист Морис Добб, которого, в связи с изданием его книги на итальянском языке⁸, орган ЦК КП Италии журнал «Рипасчита» назвал «одним из наиболее ценных марксистов-экономистов, больше всех осведомленных в вопросах советской экономики»⁹, писал, что до войны 1941—1945 гг. преобразование социального и экономического лица бывшей царской империи мало оценивалось в западных странах. Скептицизм по отношению к официальным отчетам о планах и достижениях был почти всеобщим и даже претендующие на титул экспертов слишком недооценивали масштабы и прочность происходивших изменений. «Принимая во внимание все то, что было сказано и написано об экономических условиях СССР в частном порядке и публично в 30-х годах, не приходится удивляться, что предсказания авторитетных военных в 1941 году в Вашингтоне и Лондоне о советской способности сопротивления Германии были столь нелепо пессимистическими»¹⁰. Поэтому советское «военно-экономическое чудо» оказалось для большинства идеологов и политиков Запада непредвиденным, непостижимым фактом. Но уже в годы второй мировой войны многие буржуазные идеологи были вынуждены пересмотреть ставшие традиционными точки зрения на экономическую политику СССР. Даже ярый антикоммунист из Иллинойского университета США Ральф Блоджет писал в 1944 г., что критика промышленной действительности СССР «должна быть воспринята как ограничивающая, но не отрицающая несомненные достижения и прогресс»¹¹.

Таким образом, победа СССР в Великой Отечественной войне, а также быстрое восстановление разрушенной войной экономики заставили многих буржуазных скептиков и нигилистов изменить свое отношение к хозяйственной политике КПСС, к ее эффективности, значению. «Образ мифической птицы феникса невольно приходит на ум, когда размышляешь о поразительной истории Советского Союза за последние два десятилетия... Быстрота и размах широкого национального возрождения после ужасных потерь во второй мировой войне опрокинули ранние ожидания на Западе», — писал известный американский советолог Гарри Шварц¹². Но тем не менее, в наступившем после войны повороте в отношении бур-

⁷ P. George, URSS. Haute-Asie-Iran, Paris, 1947, p. IX.

⁸ M. Dobb, Storia dell'economica sovietica, Roma, 1957.

⁹ „Rinascita“, 1957, № 5, p. 250.

¹⁰ M. Dobb, Soviet economic Development Since 1917, London, 1948, p. 1.

¹¹ R. H. Bloджет, Comparative Economic Systems, New York, 1944, p. 199.

¹² H. Schwartz, The Red Phoenix. Russia since World War II, New York, 1961, p. XI.

жуазной экономической и социологической мысли к экономической политике КПСС ясно проглядывается определенная тенденциозность.

Уже в годы предвоенных пятилеток социализм показал исключительно высокие темпы роста промышленного производства. Среднегодовые темпы прироста валовой продукции промышленного производства в довоенные годы составили (в процентах)¹³:

Первая пяти- летка (1928—1932)	Вторая пяти- летка (1933—1937)	Три предвоенных года третьей пятилетки (1938—1940)
19,2	17,1	13,2

Французский экономист Жан Шардонне назвал этот рост «настоящей экономической революцией»¹⁴. А журнал «Ринасчита» в специальном номере, посвященном 40-летию Октябрьской революции, писал, что по единодушному мнению даже самых строгих критиков советский опыт развития экономики превосходит все то, что было в других странах даже в начальной фазе их интенсивной индустриализации. В качестве доказательства журнал ссылаясь на данные, опубликованные Лигой Наций в 1929—1936 гг., согласно которым продукция промышленного производства в СССР увеличилась в 10 раз быстрее, чем в США и Италии¹⁵.

Если сравнить среднегодовые темпы прироста промышленной продукции в СССР и в некоторых ведущих капиталистических странах, то мы получим следующую картину¹⁶:

Г о д ы	С С С Р	С Ш А	Англия	Франция	Ф Р Г
За 12 лет (1918—1929)	6,9	3,1	1,2	7,9	—
За 11 . (1930—1940)	16,5	1,2	2,1	2,2	—
За 49 . (1918—1966)	9,9	3,7	2,1	3,7	3,4
За 38 . (1929—1966)	11,1	4,0	2,5	2,5	3,7
За 1929—40 и 1947—66	14,3	3,8	3,2	4,2	8,4
За 16 лет (1951—1966)	10,6	4,7	3,0	5,7	7,6

По данным ООН индекс промышленной продукции составил в 1973 г. (1963 = 100) в СССР — 216, Франции — 187, ФРГ — 174, Италии — 171, Великобритании — 135¹⁷. В период 1971—1975 гг. производство промышленной продукции в Советском Союзе увеличилось в среднем на 7,4% в год, тогда как в США и странах ЕЭС — на 1,2%, а за 25 лет (1950—1975) производство промышленной продукции росло в 2 раза

¹³ «Достижения Советской власти за 40 лет», М., 1957, стр. 44.

¹⁴ J. Chardonnet, Les Grandes Puissances, étude économique, tome II, Le Monde (Europe exceptée), Paris, 1955, p. 297.

¹⁵ „Rinascita“, Novembre 1957, p. 97.

¹⁶ «Сопоставление двух систем», М., 1964, стр. 4 и 32; «Страна Советов за 50 лет», М., 1967, стр. 104.

¹⁷ „Information Please Almanac, Atlas and Yearbook 1975, New York 1974, p. 70.

быстрее, чем в развитых капиталистических странах, составив 9,6% против 4,2%¹⁸.

Безусловно, эти факты и цифры заставили многих оппонентов экономической политики КПСС более трезво смотреть на вещи. Однако некоторая трезвость буржуазных мыслителей в оценке экономических достижений социализма — результат не объективности, а скорее всего глубокой тревоги, вызванной быстрым и непрерывным ростом народного хозяйства СССР.

Сугубо враждебное отношение к социализму и буржуазное понимание категорий политэкономии не позволили им научно оценить советские достижения и правильно понять их причины. Поэтому советологи пошли по пути отрицания объективных, постоянно действующих в силу особенностей социалистических производственных отношений факторов, делающих возможным непрерывное расширенное воспроизводство, бескризисный рост экономики при социализме. Вынужденные признать факт быстрого экономического роста вообще, как весьма важного фактора современной международной жизни с его громадным значением для развития истории в будущем, тем не менее, они, действуя традиционными методами и средствами антикоммунизма и антисоветизма, фальсифицируют политику КПСС в вопросе о темпах, умаляют ее результаты. Одни буржуазные советологи советские темпы объясняют чрезмерной слабостью исходных позиций индустриализации СССР, т. е. тем, что его промышленность была построена почти на «пустом» месте, рост начался с нуля и СССР пережил т. н. «инфантильный рост» или свое «индустриальное младенчество». Поэтому он не может избежать «потухающей кривой» или «затухания темпов» роста по достижении индустриальной зрелости. Другие объясняют высокие темпы развития советской промышленности «продавнистским» характером, «однобокой» целенаправленностью, демократичности экономической политики КПСС, указывая на преимущественный рост производства средств производства. Теоретики «избранных видов» продукции усматривают в этом милитаризацию советской экономики, игнорируя, что закон опережающего роста производства средств производства действует и при капитализме и является неременным условием развития всех других отраслей хозяйства. Некоторые же буржуазные советологи высокие темпы индустриального роста СССР объясняют простой преемственностью темпов роста экономики царской России, полностью отрицая значение Октябрьской революции, позволившей совершить гигантский скачок из полуфеодального хозяйства к современной высокоразвитой экономике.

Во всех случаях буржуазные экономисты, социологи и историки не желают признать объективных закономерностей развития социалистической экономики и прежде всего решающего значения социалистических производственных отношений для роста производительных сил.

¹⁸ «Материалы XXV съезда КПСС», М., 1976, стр. 118.

С начала 60-х гг. в буржуазной социологии появились «новые» апологетические теории, цель которых опровергнуть материалистическое понимание истории, особенно марксистское учение об общественно-экономических формациях. Теории «единого индустриального общества», «конвергенции», «постиндустриального общества», построенные на концепции «технологического детерминизма», гиперболизируя значение научно-технической революции, утверждают, что якобы она позволяет решить все экономические и социально-политические проблемы капитализма, делая социальную революцию «пенужной». Эти неокapиталистические теории направлены прежде всего против закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Авторы этих теорий пытаются оторвать экономический рост, темпы развития производительных сил от формы собственности и порожденных ею производственных отношений. Отсюда и вывод о том, что советские темпы не связаны с социалистическими производственными отношениями и являются результатом тех факторов, о которых упомянули выше («инфантильный рост» и т. д.). Отсюда и ложное положение о том, что Октябрьская революция не внесла ничего существенного в жизнь СССР. Стремление отрицать значение Великой Октябрьской социалистической революции для становления СССР как великой мировой экономической державы появилось еще в 50-х годах. Первым с подобной концепцией выступил ярый антикоммунист, профессор Виргинского университета Уоррен Наттер, который своими «умопомрачительными фокусами», как метко выразился В. Перло, явно превзошел всех буржуазных фальсификаторов экономической политики КПСС. Наттер «изучал» хозяйственное развитие СССР будучи одним из руководителей Национального бюро экономических исследований. Его работы финансировались фондом Рокфеллера. В частности, в 1957 г. Наттер выступил с заявлением о том, что темпы народного хозяйства СССР не превзошли темпов развития не только США, но и царской России, и, если бы развитие России пошло по капиталистическому пути, то она достигла бы более высоких темпов индустриального роста, нежели Советский Союз. «Если бы имелись широкие возможности для частного предпринимательства, — писал Наттер, — чтобы освободить, вдохновить и направить мощную энергию рабочей силы и творческие способности интеллигенции, то русская экономика за последние 40 лет далеко превзошла бы рост, достигнутый СССР»¹⁹. У Наттера оказались единомышленники. Примерно в таком же духе высказались французские экономисты Луи Шарве и М. Аллэ. По всей вероятности, этих экономистов имел в виду Р. Арон, заметивший, что «в кругах, недолголюбивающих Советский Союз», иногда любят довести до 1955 года кривую роста продукции русской металлургии в 1890—1914 годах, чтобы путем сопоставления результатов доказать, что при сохранении дореволюционных темпов Россия почти достигла бы современного уровня, если даже не револю-

¹⁹ „U. S. News and World Report“, March 1, 1957.

ция²⁰. В заключительной части своей книги Арон писал, что, по мнению этих экономистов, индустриальное развитие России под властью царизма предвещало такой рост, какой ныне наблюдается в Советской России. Р. Арон полностью согласен с этим, говоря, что «экономический рост начался в России в ускоренном темпе до советского режима»²¹.

Аналогичную концепцию развивает и ряд других буржуазных ученых. Так, Дженоб У. Кипп из Канзасского государственного университета утверждает, что быстрый экономический рост в России начался задолго до Октябрьской революции, когда министром финансов в 1892—1903 годах был С. Витте. Как думает Кипп, Витте, подобно своему предшественнику Рейтерну, выступал за индустриализацию, находя, что лишь жизнеспособный индустриальный сектор сможет «эффективно эксплуатировать громадные нетронутые богатства империи и позволит России сохранить статус Великой державы»²².

В начале XX в. капитализм в России действительно развивался быстрыми темпами. «Россия по темпам промышленного развития была одной из первых»²³. Говоря о высоких темпах развития промышленности в до-революционной России, буржуазные экономисты имеют в виду чрезмерно быстрый рост некоторых ее отраслей накануне первой мировой войны, что, безусловно, объяснялось военной конъюнктурой. Не случайно, что наибольший подъем наблюдался в отраслях, связанных с производством военной продукции. Так, по сравнению с 1909 г. за период промышленного подъема выплавка чугуна возросла более чем в 1,5 раза, добыча угля — на 75%, потребление меди удвоилось, грузооборот железных дорог увеличился приблизительно в 1,5 раза²⁴. Таким образом, в некоторых отраслях промышленности темпы прироста продукции оказались накануне войны весьма внушительными. У. Наттер, Л. Шарве, М. Аллэ и другие решили истолковать этот факт по-своему, что побудило Р. Арона пуститься в долгие рассуждения о судьбах индустриализации в России. «Наблюдатели русской экономики до 1914 года предвидели, — писал он, — что примерно в середине XX века она станет первой экономикой Европы»²⁵. Однако Арон тут же замечает: «Но нельзя забывать, что в течение пятнадцати лет в результате войн и революции рост был приостановлен, и что все-таки, благодаря пятилетним планам, был достигнут уровень, которого добились бы путем непрерывного прогресса»²⁶. В этом высказывании Р. Арон фактически признает, что в результате осуществления пятилетних планов, СССР, несмотря на страшную хозяйственную разруху, достиг уровня развития, которого капиталистическая Россия

²⁰ R. Aron, *Dix-huit Leçons sur la société industrielle*, Paris, 1962. p. 241.

²¹ Там же, стр. 351.

²² „The Journal of Modern History“, vol. 47, 1975, № 3, p. 437.

²³ «История Коммунистической партии Советского Союза в шести томах», т. I, М., 1965, стр. 9.

²⁴ «Экономическая история СССР», М., 1967, стр. 263.

²⁵ R. Aron, указ. соч., стр. 241—242.

²⁶ Там же, стр. 242.

могла достичь лишь в условиях непрерывного экономического прогресса.

Но капиталистическая Россия за такой короткий промежуток времени никак не достигла бы нынешнего уровня экономического развития СССР. Во-первых, экономика России, оставшись капиталистической, была бы подвержена циклическим потрясениям. Во-вторых, тот же Арон отмечает, что до революции 1917 г. в России экономический рост происходил по западной модели и с помощью французского, английского, германского и бельгийского капиталов. СССР же осуществил индустриализацию без иностранных капиталов, взяв курс на преимущественный рост тяжелой индустрии, составляющей основу его экономического могущества.

Попытки с помощью экскурсов в историю экономики дореволюционной России опровергнуть поразительные успехи политики КПСС в деле достижения высоких и устойчивых темпов промышленного роста СССР более чем несостоятельны. Результаты политики КПСС по индустриальному развитию СССР ярко выражены не только в создании отраслей современной промышленности, но и в значительном расширении производственных мощностей страны и в коренном изменении структуры всего народного хозяйства в целом.

Французский буржуазный экономист, профессор Парижского университета Ж. Марчевский, в сообщении, сделанном в обществе политэкономии Франции, вынужден был констатировать, что чрезвычайная эффективность экономической модели социализма доказана фактом превращения СССР из аграрной страны в индустриализированную на 80%, в промежутке между 1928 и 1940 гг., т. е. в течение 12 лет, и превращением в индустриальные государства в течение 20 лет, т. е. в 1950—1970 гг., таких явно аграрных стран, как Болгария, Румыния, Венгрия, 50% валового национального продукта которых дает промышленность²⁷.

Структурные изменения в экономике привели к коренным изменениям структуры внешней торговли. СССР стал крупным экспортером машин и оборудования, вывозящим в большом количестве легковые и грузовые автомобили, тракторы, сельскохозяйственные машины, а также станочные, энергетическое, электротехническое, горношахтное, нефтебуровое оборудования, дорожно-строительные машины, подшипники, приборы, пассажирские самолеты и вертолеты.

Величайшее всемирно-историческое значение экономической политики КПСС измеряется также ее социально-классовыми итогами, заключающимися в полной и окончательной победе социализма, ликвидации эксплуатации и гнета, построении развитого социалистического общества, создающего материально-техническую базу коммунизма.

На майском пленуме ЦК КПСС 24 мая 1977 г. в докладе «О проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик» Генераль-

²⁷ „Annales d'économie politique“, 127-ème année, nouvelle série, vol. XXIII, session 1971—1972, Paris, p. 45.

ный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев говорил: «Неузнаваемо изменилась экономика страны. В ней безраздельно господствует социалистическая собственность. Сложился и успешно действует единый, мощный народнохозяйственный организм. Он развивается на основе сочетания научно-технической революции с преимуществами социалистического строя»²⁸.

Октябрьская революция явилась поворотным пунктом также в истории национальных окраин бывшей Российской империи, на развитии которых отрицательно сказывалась не только общая технико-экономическая отсталость империи в целом, но и великодержавная политика самодержавия и русского капитализма по отношению к национальным меньшинствам. Поэтому не может быть никакого сомнения насчет того, что без победы Октябрьской революции, в случае движения России по капиталистическому пути, независимо от темпов роста, не могло иметь место полноценное, всестороннее экономическое и культурное развитие национальных окраин. Ведь ни одно капиталистическое государство не способствовало индустриальному развитию народов, находящихся под его властью. Поэтому не случайно, что все бывшие колониальные и полуколониальные страны без исключения, от малого до великого, относятся к категории слабо развитых или развивающихся стран. Советологи предпочитают обойти эту сторону проблемы, а иногда и пытаются умалить значение и результаты политики КПСС по устранению фактического неравенства наций в СССР. Характерно, что подобные попытки особенно участились в конце 60-х и начале 70-х гг. в связи с полувековыми юбилеями Октябрьской революции и образования СССР. Они ходки и в настоящее время в связи с 60-летием Великого Октября.

В 1967 г. французский экономист Аири Шамбр коснулся этого вопроса весьма основательно, останавливаясь на развитии восточных районов СССР, в частности, Казахстана и Западной Сибири. Он вполне справедливо замечал, что до первой мировой войны «русское экономическое пространство было асимметричным». Однако, вопреки фактам, приводимым им же, он утверждал, что эта асимметричность остается «характерной для советского экономического пространства»²⁹.

Шамбр пытается на примере Казахстана «доказать» непригодность советского опыта по развитию национальных районов для «третьего мира». Но и Шамбр, ни известный буржуазный экономист Ф. Перру, написавший предисловие для его книги, не в состоянии отрицать достижения КПСС в ликвидации прежней неравномерности экономического развития разных частей СССР и, следовательно, их значение для третьего мира.

Ж. Понсе, написавший рецензию на книгу А. Шамбра, справедливо ссылается на пример капиталистического «третьего мира», где не созда-

²⁸ «Правда», 5.VI.1977.

²⁹ H. Ch a m b r e, Union Soviétique et développement économique, Paris 1967, p. 101.

ются ни крупная энергетическая база, ни металлургия, ни химическая промышленность, где капиталовложения делаются на условиях, приемлемых для владельцев капиталов, где не развивают ни потребления, ни инфраструктуры, ни тяжелой индустрии, и при этом не в темпах «три раза быстрее» темпов индустриальных очагов империалистических метрополий, т. е. по темпам, по признанию А. Шамбра, характерным для развития Казахстана в течение 1928—1955 гг.³⁰

И в настоящее время темпы роста промышленного производства во многих союзных республиках значительно превосходят темпы РСФСР и общесоюзные средние темпы. Так, в 1975 г. темпы роста общего объема продукции промышленности были выше, чем в РСФСР: в Литве — в 3,5 раза, Молдавии и Эстонии — более чем в 2,5 раза, Латвии — почти в 2,5 раза, Армении — более чем в 2 раза, Киргизии — почти в 2 раза. Они намного превосходили темпы роста РСФСР и общесоюзные средние темпы и в Белоруссии и Казахстане³¹.

По «Основным направлениям развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» это положение сохранится для Белоруссии, Казахстана, Грузии, Азербайджана, Молдавии, Таджикистана, Армении. При этом для Молдавии и Армении предусмотрены самые высокие темпы: 45—49% и 43—47% соответственно, против 35—39% для РСФСР и СССР в целом³².

Политика КПСС форсированного экономического и культурного развития национальных меньшинств в СССР диаметрально противоположна политике «буржуазно-демократического формального провозглашения равенства наций, неосуществимого при империализме»³³.

Но тем не менее советологи еще продолжают писать о наличии «национальной проблемы» в СССР. Француз Ивер Жалью заявляет: «Проблема национальностей всегда тревожила коммунистическую партию... вопрос, кажется, еще не решен; вспышки этого «зла», похоже, угрожают различным районам СССР»³⁴.

Это лишенное почвы безответственное заявление. А если уж говорить о вспышках, то крупнейшая из них — это национально-освободительные революции, направленные против империализма. Вспышки национальной проблемы в наше время характерны для таких государств развитого капитализма и хваленой буржуазной демократии, как США («негритянская революция», проблема пуэрториканцев, «чиканос» и индейцев), Бельгия (противоречия между валлонами и фламандцами), Канада (волнения среди франко-канадцев) и Великобритании (продолжающееся несколько лет кровопролитие в Ольстере).

Что касается национального вопроса в СССР, то он решен давно, окончательно и бесповоротно, и «это — достижение, — говорил Л. И.

³⁰ „Economie et politique“, 1967, № 60, p. 161-162.

³¹ «Известия». 30.IV.1976.

³² «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 175, 224, 227, 229—234.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 111.

³⁴ „Problèmes économiques et sociaux“, 1973, № 190-191, Paris, p. 16.

Брежнев, — которое по праву можно поставить в один ряд с такими победами в строительстве нового общества в СССР, как индустриализация, коллективизация, культурная революция»³⁵.

Только благодаря победе Октябрьской революции и наступлению социализма стало возможным добиться не только правового, но и фактического равноправия наций, ибо буржуазные «отношения собственности обуславливают эксплуатацию одних народов другими»³⁶.

Прогрессивный американский экономист В. Перло находит, что в СССР удалось разрешить национальный вопрос благодаря ликвидации частной наживы за счет чужого труда, являющейся материальной основой всякого расового и национального гнета³⁷.

Международное значение национального аспекта политики КПСС в вопросе о темпах развития социалистической экономики невозможно переоценить. Ф. Энгельс допускал возможность для отсталых народов сократить процесс своего развития к социализму в случае, если западноевропейские страны преодолеют капитализм и покажут им, как «поставить производительные силы современной промышленности на службу всему обществу в целом»³⁸. Однако случилось так, что это выпало на долю не Западной Европы, а России, страны первой победоносной пролетарской революции. В июне 1920 г. на II Конгрессе Коммунистического Интернационала В. И. Ленин прямо указал, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые народы могут перейти к социализму, минуя капиталистическую стадию развития³⁹. Жизнь доказала правильность научного предвидения В. И. Ленина. И это делает опыт СССР богатейшей школой для развивающихся народов, освободившихся из-под ига колониализма и ищущих путь в будущее. Известный шведский экономист, знаток проблем «третьего мира» Г. Мюрдаль находит, что первые пятилетние планы СССР оказали решающее влияние на слаборазвитые страны, которое сохраняет свою силу и в настоящее время⁴⁰. Подобные мысли еще до Мюрдаля высказал ряд других буржуазных экономистов, в частности, известный американский специалист по проблемам сравнительного анализа экономического роста СССР и США Ф. Линдсей в книге «Рост советской экономической мощи и его последствия для Канады и Соединенных Штатов»⁴¹ и английский буржуазный экономист А. Ноув⁴². Но немало и таких, которые пытаются утверждать обратное. Так, Д. Селигман в

³⁵ Л. И. Брежнев, О коммунистическом воспитании трудящихся, М., 1975, стр. 479.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 371.

³⁷ V. Perlo, Economics of Racism, New York, 1975, p. 262.

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 446.

³⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 246.

⁴⁰ Г. Мюрдаль, Современные проблемы «третьего мира», М., 1972, стр. 175.

⁴¹ F. Lindsay, The Growth of Soviet Economic Power and its Consequences for Canada and United States, Toronto, 1959, p. 3.

⁴² A. Nove, Communist Economic Strategy: Soviet Growth and Capabilities, New York, 1959, p. 51.

статье «Коммунистическая идеология и советская мощь» пишет, что «советская политическая и экономическая мощь не привлекает слаборазвитые страны», и что «к марксистско-ленинской идеологии там проявляют убывающий интерес»⁴³. Это явная фальсификация реального положения дел, своеобразная реакция буржуазного идеолога на быстрый рост интереса в развивающихся странах к советскому опыту экономического строительства.

Проводимая КПСС ленинская политика равноправия, бескорыстной дружбы и братской взаимопомощи между социалистическими нациями во всех ее аспектах стала прототипом отношений СССР с развивающимися странами. Авторы выпущенного в США в 1974 году университетом Дж. Гопкинса сборника «Советский Союз и развивающиеся страны» пытаются толковать эти отношения как прагматические⁴⁴. Однако чем дальше, тем больше народы развивающихся стран понимают, что опыт КПСС в хозяйственном строительстве в целом, и особенно экономическая сторона ее ленинской национальной политики, являются наглядным примером гармоничного сочетания социального и национального аспектов свободного, самостоятельного, прогрессивного развития угнетенных ранее народов.

Политика КПСС по обеспечению высоких и устойчивых темпов индустриального роста СССР основана на правильном научном познании и использовании объективных закономерностей и преимуществ социалистического способа производства и советского строя, являющихся детищем Великой Октябрьской социалистической революции. Ж. Марчевский не отрицает чрезмерной эффективности социалистической модели экономики в смысле осуществления глубоких структурных перемен. Именно тот факт, что эти перемены произошли не только в СССР, но и в других странах социализма, лишний раз доказывает, что возможность и реальность высоких и устойчивых темпов индустриального развития объясняется не какими-то субъективными факторами, а характером порожденных общественной формой собственности производственных отношений. Поэтому неверны утверждения апологетов капитализма о том, что Россия в рамках капиталистических отношений достигла бы нынешнего исключительного высокого уровня хозяйственного развития. Он стал возможным лишь благодаря победившей шесть десятилетий назад Октябрьской революции и созданным ею социалистическим производственным отношениям.

⁴³ „Fortune“, January 1976, p. 116.

⁴⁴ См. рецензию Г. Хилли в „Journal of Modern History“, vol. 46, 1974, № 4, p. 759

ՀՈՒՏԵՄԵՐԵՐՅԱՆ ՀԵՂԱՓՈԽՈՒԹՅՈՒՆԸ, ՍՈՎԵՏԱԿԱՆ ՏԵՄՊԵՐԸ
ԵՎ ԲՈՒՐՃՈՒԱԿԱՆ ՔՆՆԱԴԱՏՆԵՐԸ

ՀԱԿՈՐ ՀԱԿՈՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Բուրժուական գաղափարախոսները փորձում են «ապացուցել», որ ՍՍՀՄ-ում արդյունաբերական զարգացման բարձր և կայուն տեմպեր ապահովելու ՍՄԿԿ քաղաքականության արդյունքները հետևանք են ոչ թե սոցիալիզմի տնտեսական զարգացման օբյեկտիվ օրինաչափությունների ըմբռնման, ու գիտական կիրառման, այլ տնտեսության սուբյեկտիվիստական կառավարման և, հետևաբար, իբր թե չեն արաացուցում սոցիալիստական արտադրանականի առավելությունները կապիտալիստականի նկատմամբ: Նրանք նաե ժխտում են Հոկտեմբերյան հեղափոխության ու նրա արդյունք արտադրահարաբերությունների շրջադարձային նշանակությունը ՍՍՀՄ արաադրողական ուժերի զարգացման համար:

Սակայն նրանց այդ ջանքերն ապարդյուն են: Սոցիալիստական հեղափոխության վճռական նշանակությունը հասարակական արտադրողական ուժերի զարգացման համար ապացուցված է ոչ միայն ՍՍՀՄ տնաեսության հարաճուն զարգացման վաթսունամյա պատմությամբ, մեր երկրի վիթխարի նվաճումներով, այլև մյուս սոցիալիստական երկրների փորձով: Անվիճելի է նաե Հոկտեմբերյան հեղափոխության շրջադարձային նշանակությունը նախկին ռուսական կայսրության աղգային փոքրամասնությունների տնաեսական ու մշակութային բուռն առաջընթացի համար, որի փայլուն հաստատումը աղգային հանրապետությունների ու մարդերի՝ արդյունաբերության, դյուղատնաեսության և մշակույթի ասպարեզում սոցիալիստական շինարարության տարիներին նվաճած զարգացման բարձր մակարդակն է: